УДК 811.511.131

К. С. Ефимов
Удмуртский государственный университет
г. Ижевск

К вопросу о некоторых аналитических конструкциях глагола в современном удмуртском языке

В работе представлен анализ аналитических конструкций, выделяемых некоторыми исследователями удмуртского языка. Первым компонентом таких конструкций выступают *м*-овые вербоиды с посессивными аффиксами, вторым компонентом являются различные неизменяемые лексемы. Часть рассмотренных конструкций выражают прежде всего модальные, а не темпоральные значения, другая часть является свободными сочетаниями, не обладающими идиоматичным характером.

Ключевые слова: удмуртский язык, глагол, аналитические конструкции, время, финитность, модальность.

В современном удмуртском языке существуют несколько аналитических конструкций, которые различные исследователи относят к категории времени глагола, и которые не входят в состав нормативных грам-

матик. Следует помнить, что «аналитическая форма глагола по своим внешним признакам имеет некоторые общие черты с такими языковыми явлениями как сложный и составной глагол, устойчивое и свободное сочетание слов» [Карымбаева 2012: 74]. Исходя из этого, в данной работе мы будем использовать термин «аналитическая конструкция». Данный термин можно назвать более подходящим, поскольку, если речь идет об «аналитической форме», то последняя будет характеризоваться идиоматичностью, смысловой неразложимостью и т. д. Для рассматриваемых нами аналитических конструкций вышеперечисленные характеристики еще предстоит установить.

Первым делом хотелось бы обратиться к статье В. В. Поздеева «Критерии аналитических форм удмуртского глагола», в которой автор резюмирует, что «выдвинутым критериям отвечают конструкции, состоящие из финитного глагола и вспомогательных глаголов *вал*, *вылэм* и *луоз*» [Поздеев 1990: 26]. Если с глаголами *вал* и *вылэм* все понятно – аналитические формы глаголов, в которых одним из компонентов выступает такой глагол, зафиксированы в нормативных грамматиках [УКК 2011: 184–189], то аналитические конструкции по типу финитный глагол плюс вспомогательный глагол *луоз* ‘будет’ нуждаются в дополнительном рассмотрении. Несколькими годами ранее Р. Ш. Насибуллин посвятил целую статью различным аналитическим конструкциям, первым компонентом которых выступают *м*-овые вербоиды с притяжательными аффиксами. Вторым компонентом выступают лексемы *вань* ‘есть’, *ӧвӧл* ‘нет’, *вал* ‘было’, *вылэм* ‘было, оказывается’, *луэ* ‘является’, *луиз* ‘было’, *луоз* ‘будет’ и т. д. [Насибуллин 1984: 38–45]. В настоящей работе мы придерживаемся точки зрения В. В. Поздеева относительно критериев выделения аналитических форм глагола в удмуртском языке. Таким образом, все формы, рассмотренные выше не соответствуют критерию «употребление в качестве первого компонента только одной части речи – глагола» [Поздеев 1990: 25], поскольку первым компонентом этих форм выступают различные причастия, деепричастия, и другие вербоиды, которые, в силу своей сущности, не обладают финитностью, которая присуща глаголам.

Еще одним автором, выделяющим подобные аналитические сочетания, является Э. Винклер. Им выделяется т. н. «претерит II», который включает в себя *м*-овый вербоид с посессивным аффиксом и неизменяемый формант *вань* ‘есть’ [Winkler 2001: 47–48]. В другой своей работе та же самая форма обозначена как «перфект II» [Winkler 2011: 100]. При этом, Э. Винклер не дает отрицательной парадигмы для выделяемой им конструкции. На наш взгляд, данные аналитические конструкции не выражают граммемы времени, поскольку выражают результирующее состояние и не относятся к финитным формам, поскольку «за противопоставлением финитных и нефинитных форм стоит два признака: способность

глагола занимать позицию главного предиката полной независимой клаузы и способность принимать личные окончания» [Летучий 2011]. Из этого следует, что вербоид на *-м* не является финитным, поскольку выражение посессивности не является выражением категории лица. Кроме того, мы считаем, что только «формы, способные иметь собственное подлежащее, маркированное номинативом» [Вейнгарт 2019: 59] могут считаться финитными. У рассматриваемых нами конструкций подлежащее всегда находится в адессиве. Например: *Удмуртъёслэсь вӧсяськемзэс мынам юри учкыны ветлэме вань* ‘моление удмуртов я специально ходил смотреть (дословно – мой ходивший есть)’ (Михаил Петров. Вуж Мултан (1987), НКУЯ). Как мы видим из примера, речь идет о выражении результата. Подлежащее выражено местоимением в адессиве. Говорящий использует данную аналитическую конструкцию для выражения подчеркнутого очевидного результата, что он лично был очевидцем описываемых событий. На русский язык предложения с подобными аналитическими конструкциями действительно переводятся глаголами прошедшего времени, поскольку в русском языке нет специальных грамматических форм выражающих результирующее состояние.

Под результативом мы понимаем форму или конструкцию, «обозначающую состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие» [Недляков 1983: 7]. Стоит таже отметить, что поскольку первым компонентом выступает *м*-овый вербоид с посессивными аффиксами, такой результатив можно назвать «посессивным» [Там же: 9]. Основную семантику результатива в конструкциях с лексемой *вань* ‘есть, имеется в наличии’ несет именно этот формант, поскольку, исходя из его лексического значения, он обозначает что-то, что есть сейчас. Соответственно, мы считаем, что при описании подобных аналитических конструкций в удмуртском языке, можно говорить о результирующем состоянии.

Далее рассмотрим конструкции, которые предлагает Р. Ш. Насибуллин в своей статье «О некоторых аналитических формах глагола в удмуртском языке». Так, например, конструкция, состоящая из *м*-ового вербоида с посессивным аффиксом и отрицательным аналитическим компонентом *ӧй вал* ‘я не был’ *ӧд вал* ‘ты не был’ *ӧз вал* ‘он не был’ *ӧм вал* ‘мы не были’ [Насибуллин 1984: 40], на наш взгляд, является свободным сочетанием, поскольку все компоненты конструкции не обладают неразложимостью и идиоматичностью. Пример: *Одотьялэн таче спектакльёсы ветлэмез ӧй вал на* ‘Одотья на такие спектакли не ходила еще (дословно – хождения не было)’ (Лидия Нянькина. Пыраклы (1996), НКУЯ). В данном примере речь снова идет о результате или о результирующем состоянии. Если бы вместо данной конструкции была использована форма прошедшего времени, то оттенок значения незначительно бы отличался: фокус говорящего оказался бы на действии в прошлом, а не

на результате к настоящему моменту. Однако на русский язык это переводится также с использованием форм прошедшего времени. Следующая конструкция состоит из «причастия на *-он-* и модального слова *вань*» [Насибуллин 1984: 41]. Эта конструкция, по мнению Р. Ш. Насибуллина, имеет и форму прошедшего времени, которая образуется с помощью добавления вспомогательного глагола *вал* [Там же: 41]. Подобная конструкция, на наш взгляд, выражает прежде всего модальные значения. Для выделяемого Р. Ш. Насибуллиным прошедшего времени данной конструкции, отчасти можно согласиться с наличием референции к прошлому, однако основным значением будет выражение модальности долженствования. Пример: *– Анай, мынам тонэн вераськонэ вань, – дӥсьтыса оло дӥсьтытэкгес вазиз со* '– Мама, мне с тобой поговорить нужно (дословно – у меня с тобой разговор есть), – решившись или может немного не решившись заговорил он' (Герман Ходырев. Песятайлэн кизилиез (2001), НКУЯ). Данная конструкция обладает исключительно модальным значением долженствования и не имеет референции ко времени. Также первый компонент не является финитной формой глагола. Следовательно, данная конструкция не является аналитической формой удмуртского глагола. Еще несколько аналитических конструкций состоят из *м*-ового вербоида с поссессивным аффиксом, а в качестве второго компонента выступают такие компоненты как *луэ* 'является' / *уг лу* 'не является'; *луоз* 'будет' / *уз луы* 'не будет'; *луиз* 'было' / *ӧз луы* 'не было'; *луэм* 'было, оказывается' / *луымтэ*, *ӧвӧл луэм* 'не было, оказывается' [Насибуллин 1984: 42–44]. Вторая часть подобных конструкций не подвергается изменению. Также Р. Ш. Насибуллин отмечает синонимичность значения вышеперечисленных конструкций, аналогичным, где во второй части находится глагол *потыны* 'хотеть', и отмечает, что эти конструкции имеют модальный характер [Насибуллин 1984: 42]. Однако референция ко времени в данных сочетаниях, на наш взгляд, отсутствует, поскольку речь идет прежде всего о возможности совершения того или иного действия. Примеры: *Тон сое чурытамен эн сура, кулэ ке кари – туннэ-ӵуказе ик дас пар сурон сапег басьтэме луоз* 'Ты не думай, что я скупой, если нужно сделал – сегодня-завтра могу купить десять пар кожаных сапог' (Геннадий Красильников. Одйг жытэ (1953), НКУЯ). В данном контексте речь идет о возможности, то есть выделенная конструкция передает модальное значение. Такую конструкцию можно без потери смысла заменить на *басьтыны быгато* 'смогу купить'.

Колхозын ужаны со чутрак ваментйськиз, соин Савалей бордысь куштйськизы: ул, пе, иське, кызьы улэмед луэ, только адямиослы эн люкеты! 'В колхозе работать он решительно заупрямился, поэтому от Савалея отказались: живи, мол, значит, как можешь жить, только людям не мешай!' (Геннадий Красильников. Пыртос (1971), НКУЯ). В этом контек-

сте также речь идет о потенциальной возможности, следовательно, здесь также речь идет о модальном значении. Такую конструкцию можно без потери смысла заменить на *улыны быгатйськод* ‘можешь жить’.

При поиске в Национальном корпусе удмуртского языка нами не были обнаружены конструкции, состоящие из *м*-ового вербоида с притяжательным аффиксом и неизменяемых компонентов *луиз* ‘было’ / *öз луы* ‘не было’; *луэм* ‘было, оказывается’ / *луымтэ*, *öвöл луэм* ‘не было, оказывается’. Таким образом, мы можем предполагать, что такие конструкции являются достаточно маргинальными для современного удмуртского литературного языка.

И наконец, у нас остаются аналитические конструкции, состоящие из финитного глагола и неизменяемого компонента *луоз*, о существовании которых упоминает В. В. Поздеев [1990: 26]. Тем не менее, автор не приводит ни полных парадигм спряжения, ни примеров, ни описания значения подобных конструкций. Сама по себе лексема *луоз* в современном удмуртском языке имеет два основных значения: как часть составного именного сказуемого, либо как модальное слово [Кибардина 2012: 67–68]. При использовании лексемы *луоз* после финитного глагола, последний принимает добавочное модальное значения сомнения.

Нами были обнаружены конструкции, состоящие из финитных форм глагола настоящего времени и прошедшего времени на *-i*, а также из неизменяемого компонента *луоз*. Аналогичные конструкции, первым компонентом которых выступали бы другие финитные формы удмуртского глагола, нами не были обнаружены. Теперь перейдем к разбору примеров.

Кыдёкын на, тодманы уг луы. Бригадир лыктïз луоз ‘Далеко еще, узнать не получится. Бригадир пришел, наверное’ (Геннадий Красильников. Быдэ вуон (1955), НКУЯ). В данном контексте модальный компонент *луоз* обозначает сомнение говорящего в озвучиваемой информации. Такой компонент можно было бы без потери смысла заменить на лексему *дыр* ‘наверное’.

Маке но туж тумошо югдур сярысь маде луоз Илья: котыраз сылïсьёс гурак серектo ‘Что-то про очень забавный случай рассказывает, наверное, Илья: стоящие вокруг него дружно смеются’ (Геннадий Красильников. Ӟардон азьын (1953), НКУЯ). Здесь говорящий как и в предыдущем примере выражает модальность сомнения или предположения с помощью лексемы *луоз*. Этот компонент можно было бы также без потери смысла заменить на лексему *дыр* ‘наверное’.

Исходя из проанализированного материала, можно сделать вывод, что аналитические конструкции, отнесенные частью исследователей к категории времени глагола, не имеют референции к данной категории в удмуртском языке, поскольку первым компонентом таких конструкций являются инфинитные формы глагола, а именно *м*-овые вербоиды

с посессивными аффиксами. Такая форма в сочетании с неизменяемым компонентом *вань* ‘есть’ либо *ӧвӧл* ‘нет’ выражает результирующее состояние и не относится к категории времени. Такая же форма с компонентами *луэ* ‘является’ и *луоз* ‘будет’ выражает модальное значение возможности и может быть заменена без потери смысла на конструкцию инфинитив плюс глагол *быгатыны* ‘мочь’ в финитной форме. Конструкция из вербоида на *-он-* и модального слова *вань* ‘есть’ может быть заменена без потери смысла на конструкцию из инфинитива с лексемой *кулэ* ‘надо’. Финитные формы глагола в сочетании с лексемой *луоз* являются свободными сочетаниями, поскольку второй компонент такой конструкции добавляет оттенок сомнения и может быть заменен без потери смысла синонимичным компонентом *дыр* ‘наверное’. Таким образом, все рассмотренные нами аналитические конструкции нельзя назвать полноценными аналитическими формами, выражающими референцию ко времени.

Литература

Вейнгарт О. С. Финитность глагола и финитность клаузы: индоевропейская традиция и альтернативные подходы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 57–62.

Карымбаева К. М. Аналитическая форма глагола и ее отличие от внешне сходных языковых явлений // Всероссийский журнал научных публикаций. 2012. № 2 (12). С. 74–75.

Кибардина Т. М. Средства выражения модальности в удмуртском языке. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 196 с.

Летучий А. Б. Русская корпусная грамматика. Финитность [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru/new/chapter/multicl/finiteness/ (дата обращения: 02.05.2024).

Насибуллин Р. Ш. О некоторых аналитических формах глагола в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка: сб. ст. Ижевск, 1984. С. 38–45.

Недляков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций: результатив, статив, пассив, перфект. Л.: Наука, 1983. 263 с.

НКУЯ – Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: http://udmcorpus.udman.ru (дата обращения: 16.05.2024).

Поздеев В. В. Критерии аналитических форм удмуртского глагола // Вопросы грамматики и контактирования языков: сб. ст. Ижевск, 1990. С. 18–27.

УКК – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание. Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. 408 б.

Winkler E. Udmurt // Languages of the World: Materials 212. München: LINCOM Europa, 2001. 85 p.

Winkler E. Udmurtische Grammatik. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. 181 p.